

Е. А. Щеглова

Щеглова Екатерина Александровна (Санкт-Петербург, Россия) — старший преподаватель кафедры речевой коммуникации СПбГУ; Email: e.shcheglova@spbu.ru

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СВОЕЙ СТРАНЕ КАК СОВЕТСКАЯ ПРАКТИКА ВЗРОСЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПУТЕВЫХ ОЧЕРКОВ В. М. ПЕСКОВА)¹

Путешествие предполагает выход в иную реальность, дающий толчок к саморазвитию и рефлексии, то есть путешествие может стать этапом взросления. Текст, ставший результатом реального путешествия, в качестве отражения рефлексии автора сам может стать основой для взросления своего читателя. Закрытые границы советского государства не позволяли большей части граждан реализовать физическое пересечение границы собственной реальности. В этой ситуации особое значение приобретают тексты, описывающие путешествия по своей стране, увиденной автором иначе, чем мог видеть читатель. В качестве примера были рассмотрены путевые очерки В. М. Пескова, которые показали приемы, используемые автором для перемещения читателя в иную реальность при описании своей страны, что помогает сделать текст ориентированным на реализацию воспитательно-просветительской функции.

Ключевые слова: практика взросления, воспитательно-просветительская функция, путешествие, путевой очерк, В. М. Песков

E. Shcheglova

Ekaterina Shcheglova (St. Petersburg, Russia) — Senior Lecturer of the Department of Speech Communication of St. Petersburg State University; E-mail: e.shcheglova@spbu.ru

JOURNEY ALONG THE USSR AS A SOVIET PRACTICE OF GROWING-UP (BASED ON TRAVEL NOTES BY V. M. PESKOV)

Travelling is connected with an exit into another reality giving impetus to self-development and self-reflection. It means that travelling can become a stage of growing up. A text, which has become a result of a real journey, being a reflection of the author's self-reflection can become a basis for reader's growing up. Closed borders of the Soviet state didn't allow most of the citizens to realize physical crossing of the borders of their own reality. In this situation, texts describing travelling over the country, which is seen by the author differently, are of particular importance. The author of the article studies travel writings by V. M. Peskov as an example. They demonstrate the methods used by author in order to move a reader into another reality when describing his country. It makes the text focus on the educational function.

Keywords: practice of a growing up, educational function, journey, travel writing, V. M. Peskov

Существенность роли путешествий для цивилизованного человека неоспорима как в прошлом, так и в настоящем. Путешествие как феномен приобрело в культуре многочисленные метафизические и метафорические смыслы. Одним из основных среди них является осмысление путешествия как процесса становления и формирования личности человека, начинающегося с момента выхода за порог собственного дома, при этом граница окончания путешествия может быть размыта, поскольку интеллектуальная и чувственная рефлексия не всегда совпадает с концом собственно физического путешествия. Путешествия связаны с поиском путей самоопределения, а значит, с процессом

1. Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-34-01028 «Культурно-просветительский журналистский дискурс: ценности, коммуникативные интенции и речевые жанры».

взросления: в Античности путешествия могли способствовать росту самосознания личности, осуществляемому через поиск истины, с XV в. путешествия должны были дать уроки, необходимые для светской жизни, с XIX в. — способствовали саморазвитию, давали возможность самоидентификации, помогали найти путь к истине и познанию [11].

Путешествие как средство продвижения к познанию, как воспитание осмыслялось с разных сторон. Мыслили путешествие таким образом, во-первых, сами путешественники: так, итальянский писатель и путешественник А. Моравиа в своей книге «Письма из Сахары», составленной из опубликованных ранее в прессе путевых заметок, писал: «...но ведь туризм не всегда был синонимом потребительства, изначально он был формой воспитания чувств» [7, с. 18]. Во-вторых, в этом аспекте с научных позиций путешествие изучается в философии (см., например, работы И. Л. Беккера [1; 2; 3]). В-третьих, с историко-культурологической точки зрения путешествие как необходимый этап воспитания рассматривается в трудах историков как русло русской традиции ([5; 10]). В-четвертых, учитывая, что «размывание» конечной границы путешествия может происходить за счет его воплощения в слове: в филологическом ключе путешествие как текст (в современной терминологии трэвелог) рассматривалось в аспекте становления личности путешествующего и его читателей, исследовались история становления литературы путешествий и присущие ей нарративные формы ([12; 13; 14] и др.). Новый подход к изучению путешествий в рамках филологического знания сформировался вместе с выработкой метода семиотики культуры, в рамках которого путешествие воспринимается как ситуация столкновения культур (в этом отношении интерес представляет статья Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского о путешествии Н. М. Карамзина [6]). В определенном смысле продолжением таких исследований является работа Е. Р. Пономарева о советском путевом очерке 1920-х — 1930-х гг., в которой рассматриваются различные виды межкультурной коммуникации, выделяемые в текстах советских авторов [9]. Однако интересным представляется осмысление особенностей трансформации «слома культур» в той ситуации, когда путешествие за пределы государства оказалось невозможным для большей части граждан, как это было в условиях советского государства.

Как отмечал И. Л. Беккер: «Вообще, любое путешествие, где и как бы оно ни совершалось, дает человеку ощущение свободы... С этих позиций мы можем взглянуть на путешествие не только как на социокультурное, но и как на педагогическое явление... Педагогический смысл путешествия в том, что с его помощью ткань обыденности разрывается» [2, с. 81]. Вопрос заключается в том, как обрести это чувство свободы в пределах государства, свобода в котором в значительной степени ограничена. Отчасти ответ на этот вопрос нашло поколение шестидесятников, когда на исходе десятилетия в начале эпохи «застоя» в среде «физиков» возникла особая субкультура туристов-походников, для которой была характерна романтизация быта людей, работающих в полевых условиях тайги, высокогорья и пр. (подробнее: [4]). Та же попытка вырваться за пределы обыденной реальности в пределах всё той же реальности отражается в путевых очерках, посвящённых описанию путешествий по собственной стране.

Особый интерес с этой точки зрения представляют собой очерки выдающегося советского очеркиста В. М. Пескова. С июня 1966 г. по ноябрь 1967 г. Песков совершает путешествие по всей территории СССР по заданию редакции «Комсомольской правды», целью которого является описание жизни большой страны к 50-летию ее образования. Двумя крайними географическими точками пути стали Москва (начало пути) и Ленинград (его окончание). Очерки, ставшие результатом этого путешествия, вошли в книгу, вышедшую в 1969 г. под названием «Путешествие с молодым месяцем». Задачи проекта, как видел их сам автор очерков, можно найти в открывающем книгу предисловии «Несколько слов на пороге»: «Захотелось выбрать такие пути, чтобы разом почувствовать огромное расстояние нашей земли, увидеть, чего не было пятьдесят лет назад и чего не было ещё вчера. Важно было не обойти святые для нашего народа места, например, Ясную Поляну под Тулой, Брестскую крепость, деревню, где родился Михаил Ломоносов... Хотелось увидеть хлебные степи, нетронутую тайгу, заповедные земли и старинные заповедные города, стройки и морские пути» [8, с. 5–6]. Здесь же он дает описание адресата с помощью двух кодов — вербального (в тексте) и визуального (на фотографии): «Первая фотография не портрет автора. Это лицо читателя. Таким

я себе его представляю — внимательные глаза, напряженное желание все узнать и понять» [8, с. 5]. Важна и сама метафора порога: в данном контексте она имеет несколько прочтений, поскольку невозможно дать однозначный ответ, о каком начале идет речь: о начале путешествия, о начале создания книги, о начале чтения ее читателем, о начале жизненного пути самого читателя. Если взять за основу метафору начала путешествия, возникает вопрос, о каком путешествии идет речь: о том, которое совершил автор и которое уже закончилось, или же о том, которое автор повторит при создании книги очерков, а читатель начнет и совершит вместе с автором при ее прочтении. В последнем случае через текст реализуется концепция понимания путешествия как практики взросления, при этом автор согласен стать буквально глазами читателя: *«хорошо понимаю, как важно помочь в этом тем, кто еще не имеет возможности далеко ездить и ходить»* [8, с. 5]. Таким образом, Песков ставит перед собой задачу реализации воспитательно-просветительской функции.

Интересным образом решается в цикле проблема «выхода» за пределы повседневной реальности, без которого невозможно, чтобы «обыденный мир “проявился” в сознании человека, чтобы человек увидел “себя в обыденном мире”, а “обыденный мир в себе”, то есть чтобы произошел акт рефлексии» [2, с. 81]. Для этого автор выбирает необычную (особенно для того времени) точку зрения — с высоты птичьего полета, реализация которой потребовала обращения к современным автору техническим средствам: в качестве средства передвижения выбирается вертолет. Это нашло свое отражение как в вербальной (повествовательная точка зрения автора в тексте), так и визуальной (преобладание панорамных снимков, сделанных сверху) составляющей очерков. Любопытно, как абсолютная необходимость такой «технической уловки» осознается самим Песковым: *«На чем и как путешествовать? Над этим ломали головы больше всего. Надо было учитывать: некоторые из выбранных объектов (например, Днепрогэс, Красная площадь, Магнитка) уже хорошо известны читателю. Как о них рассказывать? Какую новую точку искать для съемки? ... С вертолета можно увидеть много такого, чего не увидишь, проезжая или проходя по земле. С другой стороны, это не самолет, с которого многого не разглядишь. На вертолете можно летать как хочешь низко, можно повиснуть над какой хочешь точкой, где хочешь можно сесть и пройти по земле»* [8, с. 6]. Использование вертолета как средства передвижения позволило, во-первых, сократить время, затраченное на путь, во-вторых, приобрести свободу передвижения, что разнообразило маршрут путешествия, сделало его нелинейным. Читатель Пескова при желании мог повторить маршрут автора, но при этом был бы вынужден затратить больше времени (или разбить маршрут на фрагменты) и ограничиться «наземной» точкой зрения. Таким образом, обретается та самая свобода, необходимая для процессов познания, самоопределения и самопознания, саморазвития и пр. — т. е. прохождения определённого этапа взросления. Технические возможности вертолета, его технические характеристики, внешний вид неоднократно становятся предметом описания в цикле очерков («Двадцать минут у костра», «Гуси и вертолет», «Люди и вертолет» и др.).

Для создания для молодого читателя целостного образа большой страны Песков создает очерки, различающиеся по своей тематике и, соответственно, несущие различные аксиологические ценности.

1) Очерки, рассказывающие об объектах, являющихся достижениями советской промышленности, таких как Магнитогорский металлургический комбинат, Днепровская гидроэлектростанция и др. Очерки этой тематической группы должны воспитать в читателе чувство гордости за советского человека и весь советский народ, который смог создать за короткий срок промышленные объекты такого масштаба.

Примером такого очерка может служить очерк «Днепровское ожерелье», посвященный Днепрогэс. Абстрактное чувство гордости за родную страну в данном случае приобретает конкретные точки приложения, являющиеся одновременно ключевыми смысловыми позициями данного текста: во-первых, гордость за саму Днепрогэс как творение рук человеческих, во-вторых, за народ, который ее создал, в-третьих, за конкретного человека, одного из тех, кто строил гидроэлектростанцию. Приглашение автора к читателю восхититься вместе с ним Днепрогэс реализуется с помощью метафоры (Днепровское ожерелье), вынесенной в заголовок и получившей развитие внутри текста очерка: *«Ну, в первую очередь — необычайно красива! Промышленные постройки не часто радуют глаз. Тут же —*

подлинное художество. Идешь верхом — могучий бетонный мост несет людей, машины и подпирает воду. Со стороны глянешь — **белое кружево** на реке. **Легкая, изящная дуга.** **Бетонное ожерелье...** Какие хочешь слова будут здесь справедливы» [8, с. 19]. Гордость за советский народ читатель должен испытывать по двум причинам: за трудовой подвиг, им совершенный («Но знают ли люди, которым сегодня двадцать и тридцать: бетон для днепровской плотины строители месили ногами. Ногами!» [8, с. 19]), и за технический прорыв, который был осуществлен при ее строительстве («По тем временам это была **самая крупная гидроэлектростанция.** По тем временам это была **самая большая из наших побед**» [8, с. 22]). Сделать чувство гордости за народ более конкретным и личностным, а значит, и более глубоким позволяет обращение к личному опыту одного из строителей Днепрогэс — Афанасия Афиногеновича Дмитрусенко: «Афанасий Афиногенович проводит **шершавой рукой по бетону и говорит о плотине, как о живом существе.** На плотине множество **“родинок” и “царапин”, знакомых только этому старику.** Это его ноги в резиновых сапогах месили бетон, и от его пальцев на бетоне застывали царапины» [8, с. 22] — создается достаточно типичный образ старого советского рабочего. В текст вводится прямая речь, ему принадлежащая, что прибавляет тексту достоверности и приближает давно оконченное строительство в современному автору читателю: «**В моей жизни это был самый большой праздник.** Все помню: как шумела вода, как загорелась первая лампочка, как плясали от радости на плотине... Я думал, что сердце у меня в тот день **выскочит и полетит**» [8, с. 22–23].

2) Очерки, представляющие собой зарисовки из жизни большой страны. Эти очерки должны представить жизнь советского народа во всей ее полноте и многообразии. Эти тексты чрезвычайно многообразны по своим географическим привязкам: Херсонщина («Хлеб»), Тюменская область («Голубые города»), Кызылкумы («Вышка в пустыне») и т. д. Пескову интересны разные моменты жизни людей, живущих на территории Советского государства: труд на благо страны («Хлеб» — о важности труда колхозников, «Ищем клад» — о работе геологов в Сибири, «Голубые города» — об освоении территории Сибири и т. д.); часы досуга («Моторные страсти» — о развитии мотоспорта в Прибалтике) и т. д. Все это дает молодому читателю возможность проникнуть во внутреннее течение жизни большой страны, почувствовать себя ее частью.

3) Очерки, рассказывающие о памятниках древности и местах крупных исторических событий. Эти тексты представляют собой как обращение к исторической памяти читателя, так и формирование ее. Большею частью они посвящены описанию древних городов — их истории, внешнего вида, их настоящего. При этом обращает на себя внимание национальное и географическое разнообразие выбора городов для описания — Ростов Великий, Тобольск, Хива, Мцхета и др. В этом случае чрезвычайно важным оказывается показать лицо города и отличающие его черты национальной культуры — это происходит с помощью ярко выраженной авторской позиции: «**В самолете я временами забывал съемку, так интересно было разглядывать плоские лабиринты крыш и купола, похожие на бритые головы, башни и минареты, дворцы и домишки**» [8, с. 83]; «**В Ростове я бывал много раз по делам и просто так, когда надо остепениться от суеты, и всегда Ростов для меня начинался с дороги к нему**» [8, с. 191] и т. п. Отражается это многообразие и с помощью визуального кода — фотографий, на которых можно увидеть характерные образцы архитектуры, лица людей с выраженными национальными признаками и пр. Утверждается равенство культур и историй народов, живущих на территории советского государства.

К сравнительно недавней истории отсылает очерк «Брестская крепость». В данном случае задача автора состоит в демонстрации современного состояния крепости относительно ее изначального вида для того, чтобы продемонстрировать силу сражений, здесь происходивших: «Разрушенная церковь-клуб стоит в центре почти двухкилометрового кольца цитадели. Сегодня кольцо во многих местах разорвано. До сорок первого оно было сплошным с тремя воротами» [8, с. 163].

4) Очерки, описывающие места, связанные с духовной памятью советского общества. К таким текстам относятся очерки, рассказывающие о местах, связанных с биографией известных деятелей культуры и науки: «Деревня российского академика» — о деревне, в которой родился М. В. Ломоносов, «Спасские соловьи» и «Бежин луг» — о родовой усадьбе И. С. Тургенева, «Ясная поляна» — об

усадыбе Л. Н. Толстого, «Могила над Иссык-Кулем» — о месте захоронения Н. М. Пржевальского. В каждом случае проводится параллель с настоящим, выводится взаимосвязь прошлого и настоящего, демонстрируется роль личности великого человека в жизни современного автору молодого читателя: Ломоносов — образец для подражания в продвижении по жизненному пути к намеченной цели, Тургенев — воспитатель духовности, Толстой — источник мудрости, не утратившей своего значения в настоящем. Вербальный код дополняется визуальным: так, в очерке «Деревня российского академика» происходит визуализация метафоры жизненного пути, открытого благодаря Ломоносову для любого деревенского мальчишки, — на фотографии изображена река и стоящий спиной к зрителю мальчик, смотрящий на течение реки как большой дороги в мир.

5) Очерки, описывающие природные памятники, раскрывающие отношения человека и природы. В этом случае целью автора является демонстрация красоты природы: описываются как отдельные природные объекты («Воронежский лес», «Зеленые могикане», «Домашний вулкан» и др.), так и масштабные картины изменений природы, связанных со сменой времен года («Русская осень»). На первый план выступает эстетическое переживание красоты окружающего мира, пропущенное через сознание автора. Обращение к личному опыту читателя, его воспоминаниям, связанным с обращением к красоте природы, приближает опыт автора к адресату: *«И есть пора в году, когда земля надевает самые дорогие наряды. В эти дни кажется, что земля начинает даже светиться. Вы замечали, наверно: идёшь по лесу — свет!»* [8, с. 219].

6) Очерки, рассказывающие о местах, привлекающих внимание своей парадоксальностью, вызывающих любопытство. Эти тексты повествуют о самых разных точках на карте большой страны, по самым разным причинам привлёкшим внимание Пескова: маленький рукотворный остров на Балтике — маяк Колка, таежный посёлок с необычным названием «Газета» и др. Они демонстрируют, как многообразна жизнь большой страны, как прекрасно ее воплощение в каждой маленькой точке. Так, маяк Колка оказывается чрезвычайно значимым для лоцманов, жизнь его героически поддерживалась даже в дни войны. Изначальная парадоксальность, заложенная в таких очерках, будит любопытство читателя, провоцирует его к познанию, поиску необычного рядом с собой — то есть к тому самому поиску выхода за пределы обыденной реальности.

Особое место занимают короткие истории и зарисовки, посвященные самым разнообразным темам: случайным встречам; описаниям моментов жизни людей, замеченных автором во время путешествия; сценам природы; размышлениям автора на отвлечённые темы. Это своеобразные пометки на полях (в книге они графически выделены более мелким шрифтом), все то, что не вошло в сами очерки из-за недостаточного объёма или отсутствия проблемности, необходимой для публицистического очерка. Они отражают процесс непосредственного наблюдения жизни во время путешествия, погружают читателя в процесс осознания и осмысления мелких фактов действительности, демонстрируют процесс авторской рефлексии: *«Глаза лисенка и глаза девочки. Можно сказать иначе: глаза Природы и глаза Человека. О глазах человека сказано много. Звери, считалось, мыслить не могут, стало быть, глаза животных мало что выражают»* [8, с. 327] (начало зарисовки «Глаза»).

Подводя итоги нашему небольшому исследованию, можно отметить следующее: во-первых, путешествие как таковое может стать этапом взросления человека, что подтверждается результатами исследований, полученных методами разных наук (истории, философии, культурологии, психологии, педагогики); во-вторых, путешествие всегда предполагает выход в иную реальность, что даёт ощущение свободы, дающее толчок к саморазвитию и рефлексии; в-третьих, путешествие как текст, ставший результатом реального путешествия, в качестве отражения рефлексии автора сам может стать основой для взросления своего читателя: читатель «проходит» тем же маршрутом, что и автор, вовлекаясь в процесс познания мира и себя в мире (реализуется воспитательно-просветительская функция текста). При этом характер путешествия определяется эпохой, в которую оно совершалось и воплощалось в текст. Так, закрытые границы советского государства не позволяли большей части своих граждан реализовать физическое пересечение границы собственной реальности. В этой ситуации особое значение приобретают тексты, описывающие путешествия по своей стране, увиденной автором иначе, чем мог видеть читатель. В качестве примера были рассмотрены путевые очерки

В. М. Пескова, которые показали приёмы, используемые автором для перемещения читателя в иную реальность (на грани с мифом): 1) выбор необычного средства передвижения (вертолёт), что обеспечило свободу перемещения, сокращение времени в пути, а главное, иную точку зрения, отличную от привычной; 2) фрагментация действительности на тематические блоки, связанные с разными асиологическими ценностями: достижения советского общества, история государства, национальная культура, природа и пр.; 3) совмещение двух культурных кодов: вербального и визуального.

Библиография

1. Беккер И. Л. О социокультурных и психолого-педагогических аспектах путешествия как способа бытия и познания мира // Известия ПГУ им. В. Г. Белинского. 2011. № 24. — С. 558–561.
2. Беккер И. Л. Путешествие как способ социального бытия и становления личности // Известия ПГУ им. В. Г. Белинского. 2006. № 6. — С. 80–86.
3. Беккер И. Л. Социальный, культурный и духовный смысл путешествия как способа самопознания и бытия человека // Известия ПГУ им. В. Г. Белинского. 2009. № 15. — С. 7–11.
4. Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. — М.: АСТ: CORPUS, 2013.
5. Козлов С. А. Русский путешественник эпохи Просвещения: в 3 т. — СПб., 2003.
6. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1987. — С. 525–606.
7. Моравиа А. Письма из Сахары. — М.: Прогресс, 1987. — 216 с.
8. Песков В. М. Путешествие с молодым месяцем. М.: Молодая гвардия, 1969. — 416 с.
9. Пономарёв Е. Р. Типология советского путешествия. Советский путевой очерк 1920–1930-х годов. СПб.: СПГУТД, 2011. — 275 с.
10. Стефко М. С. Европейское путешествие как феномен русской дворянской культуры конца XVIII — первой четверти XIX веков. Дисс. ... канд. филол. н. М., 2010.
11. Хакимова О. Ф. Путешествие как поиск самоидентичности // Вестник ЧГАКИ. 2016. № 2 (46). — С. 102–107.
12. Adams P. G. Travel Literature and the Evolution of the novel. — Lexington, 1983.
13. Blanton C. Travel Writing. The Self and the World. — New York, 1997.
14. Leed E. J. The Mind of the Traveler. From Gilgamesh to Global Tourism. — New York, 1978.

References

1. Bekker I. L. O sotsiokul'turnykh i psikhologo-pedagogicheskikh aspektakh puteshestviia kak sposoba bytiia i poznaniia mira // Izvestiia PGU im. V. G. Belinskogo. 2011. № 24. S. 558–561.
2. Bekker I. L. Puteshestvie kak sposob sotsial'nogo bytiia i stanovleniia lichnosti // Izvestiia PGU im. V. G. Belinskogo. 2006. № 6. S. 80–86.
3. Bekker I. L. Sotsial'nyi, kul'turnyi i dukhovnyi smysl puteshestviia kak sposoba samopoznaniia i bytiia cheloveka // Izvestiia PGU im. V. G. Belinskogo. 2009. № 15. S. 7–11.
4. Vail' P., Genis A. 60-e. Mir sovetskogo cheloveka. M., 2013.
5. Kozlov S. A. Russkii puteshestvennik epokhi Prosveshcheniia: v 3 t. — SPb., 2003.
6. Lotman Iu. M., Uspenskii B. A. «Pis'ma russkogo puteshestvennika» Karamzina i ikh mesto v razvitii russkoi kul'tury // Karamzin N. M. Pis'ma russkogo puteshestvennika. L., 1987. S. 525–606.
7. Moravia A. Pis'ma iz Sakhary. M., 1987.
8. Peskov V. M. Puteshestvie s molodym mesiatsem. M., 1969.
9. Ponomarev E. R. Tipologiiia sovetskogo puteshestviia. Sovetskii putevoi ocherk 1920–1930-kh godov. SPb., 2011.
10. Stefko M. S. Evropeiskoe puteshestvie kak fenomen russkoi dvorianskoi kul'tury kontsa XVIII — pervoi chetverti XIX vekov. Diss. ... kand. filol. n. M., 2010.
11. Khakimova O. F. Puteshestvie kak poisk samoidentichnosti // Vestnik ChGAKI. 2016. № 2 (46). S. 102–107.
12. Adams P. G. Travel Literature and the Evolution of the novel. Lexington, 1983.
13. Blanton C. Travel Writing. The Self and the World. New York, 1997.
14. Leed E. J. The Mind of the Traveler. From Gilgamesh to Global Tourism. New York, 1978.